

СЛОВО-«ПАРАЗИТ» КАК ОБЪЕКТ КОММУНИКАТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА “THE CATCHER IN THE RYE” ДЖ. Д. СЭЛИНДЖЕРА)

В.А. Миловидов

Тверской государственный университет, г. Тверь

В рамках коммуникативного подхода рассматриваются структурно-семантические характеристики так называемых слов-«паразитов». На материале романа Дж. Д. Сэлинджера показана смыслообразующая роль, которую они играют в современной молодежной речи.

Ключевые слова: слово-«паразит», коммуникативная лингвистика, Дж. Д. Сэлинджер.

Материалом настоящей статьи являются 179 случаев употребления предложной конструкции *sort of* в романе Дж. Д. Сэлинджера “The Catcher in the Rye” (1951) [9] (ниже ссылка на соответствующую страницу этого издания дана в круглых скобках). Хотя с момента публикации романа прошло более семидесяти лет, для автора этих строк до сих пор остались до конца не проясненными семантические характеристики этой конструкции – в том, чтобы разобраться в них, и состоит цель исследования.

Из общего количества случаев употребления *sort of* в романе стандартными, соответствующими нормам английского языка (*a sort of* плюс *существительное*) являются чуть более десяти процентов: *he was also sort of a nasty guy* (43); *I said, in sort of a whisper* (69); *the driver was sort of a wise guy* (78) и т.д. В подавляющем большинстве употреблений на месте существительного стоит либо прилагательное: *sort of nasty* (38); *I mean if a boy's mother was sort of fat or corny-looking or something* (38) и т.д.; *it felt sort of cosy* (41); *I felt sort of sorry for her* (29); *it's sort of funny, in a way* (50) и т.д., либо глагол: *he sat up more in his chair and sort of moved around* (34–35); *I sort of glanced through it a couple of times* (35) и т.д., либо причастие: *I was sort of thinking of something else* (37); *I was feeling sort of tired* (45) и т.д., что является явным нарушением норм языка (ср. в русском: *это – типа дом(а)* и *я типа пошел...*).

С одной стороны, подобные слова и словосочетания квалифицируются как паразитарные, избыточные (слова-«паразиты»). С другой стороны, не все так просто, и их квалификация зависит от точки зрения, свойственной той или иной научной парадигме. Поэтому, прежде чем перейти к анализу соответствующих слов и словосочетаний, – небольшое методологическое отступление.

Отношения между разными научными парадигмами подчас сложны и драматичны: то, что в рамках одной принимается за существующее и существенное, другой отвергается или не замечается вовсе. Отклонение от языковой нормы, нарушение правил одними исследователями воспринимается как зло, требующее искоренения, другими – как благо (как нечто, имеющее смысл или являющееся механизмом смыслообразования, изучением чего и должна заниматься лингвистика). Объясняется это следующим обстоятельством: объект науки не существует сам по себе, он есть функция той системы координат, которую налагает на фрагмент действительности исследователь. И если я решил, что мой объект – язык как система, мне трудно не увидеть в языке лишь инвентарь (не всегда идеальный), обеспечивающий (или, напротив, не обеспечивающий) коммуникацию. В таком случае, изучая систему, к всевозможным отклонениям от нее я стану относиться если не отрицательно, то с известной долей снисхождения. Если же мой объект – коммуникация, то эти отклонения начинают свидетельствовать в пользу того, что язык уже не удовлетворяет ее потребностям, и она, «взрывая» язык изнутри, ищет способов выразить то, что языковая система выразить не в состоянии.

В рамках восходящей к лингвистике Ф. де Соссюра системоцентристской парадигмы слово-«паразит» есть... паразит, который, как ясно из определения, в лучшем случае избыточен, в худшем вреден. Под словами-«паразитами» в этом случае понимаются лексические единицы разной частеречной принадлежности, а также фразеологизмы, которые встречаются чаще всего в молодежной речи. Это всем известный «сор», среди которого в русском языке мы встречаем такие слова, как *как бы, типа, такая* или *такой* («я иду, *такая*»). Любой читающий эту статью настолько хорошо знаком с данным рода элементами современной молодежной речи, что автору нет нужды делать соответствующие ссылки на корпус современного разговорного русского языка.

Подробную номенклатуру слов-«паразитов» в молодежной речи дала, в частности, Т.В. Федотова, которая во всем корпусе упомянутых языковых элементов выделяет шесть мотивационных блоков, отображающих коммуникативные установки говорящего, включающего в свою речь данные элементы. Это: 1) текстообразующий (коннективный) блок (*дело в том, что; вот; так сказать* и др.); 2) блок гезитации (*ну; такой; этот; самый; так, значит; в общем, это самое; метатекстовые включения короче говоря; по правде говоря; что касается меня; в принципе; знаете; знаешь* и т.д.); 3) блок экономии языковых средств (*короче; в общем*); 4) эмоциональный блок (цензурные аналоги обценных слов: *блин; ё-моё; пипец; капец; ёпрст* и т.д.); 5) психологический блок (*будто; будто бы; как бы* и, конечно же, *типа*) б)

фатический блок (*кстати; слушай; вот; знаете; понимаете* и т.д.) [6: 49].

Нас в большей степени интересует пятый, психологический блок и, в особенности, наверное, наиболее яркий из перечисленных элементов молодежного вокабуляра, а именно – *типа*, который по своему набору значений ближе всего сэлинджеровскому *sort of* (ниже – о функциональном аналоге *типа*, «паразите» *такая*, который, как и *типа*, с нашей точки зрения, не является таким уж законченным паразитом, а выполняет важную коммуникативную функцию).

Интерпретация элементов психологического блока в упомянутой статье, со ссылкой на М.А. Кронгауза, сводится к следующему: в основе словоупотребления здесь лежит либо чувство неопределенности, либо нежелание нести ответственность за сказанное; эти лексемы и фразеологизмы употребляются в ситуации неточности знаний, демонстрируют неуверенность в излагаемой фразе, сложность в выборе слова и т. п. [6: 51]. И, в целом, современная лингвистика скептически-снисходительно смотрит на практику использования молодыми людьми этих слов: «Обладатели этих признаков, если говорить о молодом поколении, употребляя парентетическую лексику, тем самым рефлекторно пытаются скрыть бедность словарного запаса, завуалировать свое нежелание отвечать за сказанное... <> ... любое чрезмерное увлечение парентезами ведет к коммуникативному провалу и к отрицательной характеристике речевых возможностей коммуниканта со стороны реципиента» [6: 51-52].

Исследователи романа Дж. Д. Сэлинджера “Catcher in the Rye”, его языка, кстати, приходят относительно этого *sort of* к выводам, сходным с теми, что делают наши исследователи по поводу соответствующих русских слов-«паразитов», включенных в психологический «блок»: «Изображение колебаний, сомнений героя, неуверенности в собственных словах, действиях в некоторой степени связано с использованием разговорной частицы «sort of» – “как бы, вроде”», – пишет современный исследователь стилистики романа Дж. Д. Сэлинджера [3: 158].

Если использование такого рода элементов языка ведет к коммуникативному провалу, то как следует с ними поступать? Ответ очевиден – совершенствовать языковую подготовку говорящего, учить его, а если сопротивляется, то и наказывать...

Но здесь же, в цитируемых работах – очень точное, пусть данное и на маргиналиях, замечание: «Слова, подобные *типа* и *как бы*, восходят к совершенно нормальным русским словам, которые вдруг начинают употребляться чаще и в совершенно неуместных контекстах и ситуациях» [6: 51]. Что это значит?

Вероятно, что определенные контексты и ситуации не могут быть оснащены нормативными средствами языка, и без слов-«паразитов» просто никуда! Что интенциям коммуниканта, а также тем смыслом,

которые он хочет «опредметить» в речи, тесно в рамках по определению скудного языкового инвентаря? Нет ли здесь, как писал Д. Мережковский об известном персонаже священной истории, некой «муки невыразимости», которая вынуждает говорящего делать то, о чем сказал поэт: «нажал и сломал»? Сломал, и получилось: не *это что-то типа здания*, а *я, типа, пошел...* И, используя слово-«паразит», говорящий и пишущий воплощают в исковерканном слове смыслы, которые точным и ориентированным на норму словом ему не передать.

Коммуникативная (антропоцентристская) лингвистика, которую интересует то, как авторские смыслы воплощаются в тексте и, наоборот, как текст порождает смыслы в процессе взаимодействия с рецептивным сознанием, по определению многословна, ибо такова природа смысла: если мы хотим исчерпать его в своей интерпретации, что по определению невозможно, мы не должны скупиться на слова. И ни в коем случае не имеем права ограничиваться тем, что дано в качестве дефиниции в словаре – этой мумии языка! Поэтому интерпретация любого языкового и речевого объекта требует мобилизации различных источников и достаточно громоздкого объяснительного инструментария, в том числе и из сферы антропологии.

Конечно, *sort of*, равно как и *типа*, а также *такая (такой)* передают все, о чем пишут исследователи молодежной речи. Но, очевидно, не только. Колебания, сомнения, неуверенность – это не просто колебания, сомнения и неуверенность. Это – колебания и сомнения *перед чем-то*, неуверенность в *чем-то*. В чем же?

Нет ничего кроме текста, и все, что есть, дано в тексте. «Я иду, такая...» – о чем это и как это нечто реализуется в избранных говорящим (говорящей) языковых инструментах?

Формально, если анализировать данное предложение как линейную конструкцию, перед нами – простое (монопредикативное) двусоставное предложение, осложненное уточняющей местоименной конструкцией. Местоимение *такая* в грамматиках классифицируется и как указательное, и как определительное; также в определенных контекстах оно сближается с наречием и существительным. Функции в речи его многообразны, и, помимо традиционно описываемых в грамматиках анафорической, дейктической, интенсифицирующей и вводной функций этого местоимения, современные исследователи рассматривают функции типизирующую (Она в красной *такой* шапочке) и классифицирующую (Биттнер – это бальзам *такой*), а также функцию грамматического оформителя [4]. При этом приведенный нами пример исследователи относят именно к последней, где, по их мнению, мы имеем дело с ситуацией, в рамках которой «комбинация двух местоимений представляет собой грамматически правильно составленное, но семантически пустое соединение» (4: 210). Кстати, по мнению исследователей, английским эквивалентом местоимения *такой* в этой

функции может быть признана именно интересующая нас конструкция (that) sort / kind of (4: 201)).

Но такой ли «пустой» будет конструкция с комбинацией двух местоимений – *я* и *такая*?

Можно было бы сказать, что грамматика, как и природа, не терпит пустоты. Это было бы эффектным, но пустым заявлением. Но если исходить из того, что семантика языкового знака есть результат многих и многообразных взаимодействий, что языковой элемент редко несет только одну функцию, а чаще – пучок функций, то эта пустота наполнится смыслом. Семантическая пустота *я иду, такая* будет выглядеть как пустота только в рамках представлений об обязательности линейного развертывания синтаксических конструкций. Но в условиях ситуации «нажал и сломал» ломаться может и синтаксис. *Я иду* и *Я такая* могут гипотетически быть представлены как две синтаксические конструкции, формирующиеся параллельно, но, в силу языковых конвенций, предписывающих линейное развертывание высказывания, «склеенные» в одну. По сути же, перед нами полипредикативная конструкция, сложносочиненное предложение, «вдавленное» в структурную схему предложения простого двусоставного.

Какова семантика, реализуемая в каждой из ее составляющих? *Я иду* – номинация простого единичного действия, выполняемого конкретным, единичным субъектом. Все просто. Сложнее с *Я такая*. Если исходить из данной выше классификации случаев использования этого местоимения, то, помимо функции грамматического оформителя, в общий «пучок» вероятно, могут быть включены функция типизирующая, а также классифицирующая: *я*, как *такая*, принадлежу к определенному типу, определенному классу, при этом местоимение *такая* станет восприниматься как порождающая модель, как инвариант, реализованный в вариантах – реальных представительницах этого класса, в том числе, и в *Я*.

Но акт предикирования неизбежно оказывает воздействие и на объект высказывания. Предикат характеризует объект, описывая совершаемое им действие, определяя его состояние или называя его признак. Как пишет С. Д. Кацнельсон, «...в самом предикате даны категории, отражающие, в порядке обратной связи, качество объектов» [1: 479], а потому процедура предикации видоизменяет семантические параметры, семантическую глубину объекта высказывания. В нашем случае *Я* будет не только репрезентантом класса, но и носителем порождающего закона для целого ряда объектов, принадлежащих к данному классу, то есть носителем категориального значения; не только конкретной манифестацией этого закона, но и самим типом объекта, законом, порождающим множество манифестаций.

Интерпретация этого семантического сдвига возможна при учете более широкого, чем собственно языковой, контекста, а, именно,

контекста антропологического (в том, что лингвистика может и даже обязана сотрудничать с антропологией, убеждают нас многие авторитетные лингвисты: «Современная лингвистика также сотрудничает с некоторыми из наук социального цикла и теснее всего — с антропологией», — пишет Р. Лакофф [8: 4]). Как полагает современная антропология, так называемый *homo compositus* — человек составной, системный является полем конфликтного взаимодействия *homo catholicos* — человека вселенского, бытийного, с *homo egomet* (человек — Я сам), человеком бытовым, «повседневным» [7: 7], и последний через различные механизмы трансценденции пытается вернуть себе статус первого (подробнее см. об этом: [2: 37-44]), пользуясь в этих целях, в том числе, и средствами языка, о чем свидетельствует и исследуемый нами материал: полипредикативная конструкция *Я иду, такая* — это *метаописание* живущей в повседневности конкретной индивидуальности (*homo egomet*), которая через объективацию своей субъективности *Я такая* стремится трансцендировать в *homo catholicos*, в человека вообще, в человечество, за счет этого преодолевая власть повседневности и сливаясь с вечностью — не больше и не меньше.

И эта трансценденция обеспечивается именно языковыми средствами, хотя язык при этом и подвергается разрушению (*я, типа, пошел...*).

Проверить это непросто, но, как мы предполагаем, такого рода слова-«паразиты» вряд ли активно употреблялись, скажем, в первой половине XIX века и ранее. Только с разрушением теоцентрической картины мира, в рамках которой человек а priori осознавал себя *таким, типом*, ибо полагал, что создан по образцу и подобию известного существа, в котором предельная субъективность сливалась с предельной объективностью, он остался лицом к лицу с новой онтологической ситуацией — тотальное господство повседневности как единственной формы существования *homo egomet*, которому, увы, уже никогда не стать *homo catholicus* — кроме как с помощью языка.

Об этом пишет, в связи с формированием в пост-дарвиновскую эпоху новой онтологии бытия, М. де Серто, один из главных теоретиков повседневности. Приведем пространную цитату из его книги «Изобретение повседневности».

Поворот к Новому времени характеризуется прежде всего, уже в XVII веке, обесцениванием содержания высказывания и концентрированием внимания на акте высказывания. Когда говорящий чувствовал уверенность («Бог говорит через мир»), его внимание направлялось на расшифровку содержания высказывания, «тайн» мира. Но когда эта уверенность оказывается поколеблена вместе с гарантировавшими ее политическими и религиозными институтами, вопрошание направляется на возможность найти субституты для существовавшего прежде единственного говорящего: кто будет говорить? И кому? Исчезновение Первоначального говорящего создает проблему

коммуникации, то есть языка, который надо создать, а не только услышать и понять. В океане все более рассредоточенного языка, в мире, лишенном пристанища и якоря (становится сомнительным и вскоре невероятным, что некий Единственный субъект может присвоить его и заставить говорить), каждый отдельный дискурс свидетельствует об отсутствии места, которое в прошлом было назначено индивиду самой организацией космоса, и, следовательно, о необходимости выкроить себе место за счет собственного способа обрабатывать отдельные области языка» [5: 247].

Язык как раз и становится инструментом «выкраивания» места в мире, лишенном Первоначального говорящего: если нет абсолютной объективности, эта объективность может быть смоделирована средствами языка: не *Я пошла*, а *Я, типа, пошла*, не *Я иду*, а *Я иду, такой...*

Причем здесь Дж. Д. Сэлинджер? Описанное выше как раз и происходит с героем его романа Холденом, когда тот говорит: *I sort of went, I felt sort of sorry for her...*

Список литературы

1. Кацнельсон С.Д. Категории языка и мышления. М.: Языки славянской культуры, 2001. 851 с.
2. Миловидов В.А. «Улица корчится безъязыкая». Металингвистика повседневности. М.: Издательский дом ЯСК, 2024. 176 с.
3. Петренко Д.И. Роман Дж.Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» и его переводы на русский язык. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2009. 240 с
4. Сатюкова Д.Н., Воейкова М.Д. Особенности функционирования местоимения *такой* в устной разговорной речи // Труды ИЛИ РАН. Том VI, часть 2. СПб., 2010, С. 184–224.
5. Серто М. Изобретение повседневности. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 333 с.
6. Федотова Т.В. К проблеме речевой избыточности: слова-паразиты // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2020. № 3. С. 47-53
7. Цоколов С.А. Единая наука о человеке: иллюзия или реальность // Человек. 1996. № 5. С. 5–20.
8. Lakoff R. Talking Power: The politics of language. New York: Basic Books, 1990. 324 p.
9. Salinger J.D. The Catcher in the Rye. M.: Progress Publishers, 1979. 248 pp

Об авторе:

МИЛОВИДОВ Виктор Александрович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, перевода и французской филологии Тверского государственного университета (Тверь, 170100, ул. Желябова 33); e-mail: vik-milovidov@yandex.ru

**LEXICAL REDUNDANCY IN JUVENILE DISCOURSE (“THE
CATCHER IN THE RYE” BY J. D. SALINGER)**

V.A. Milovidov

Tver State University, Tver

Within the frame of the linguistics of communication, the so-called “parasitic” words are studied. The role they play in the juvenile discourse is shown on the materials from J. D. Salinger’s “The Catcher in the Rye”.

Keywords: *“parasitic” words, linguistics of communication, J. D. Salinger*

About the author:

MILOVIDOV Victor Alexandrovich – Doctor of Philology, Professor, Theory of Language, Translation and French Philology Department of the University of Tver (170100, Zheliabov Str., 33, Tver); e-mail: vik-milovidov@yandex.ru

© Миловидов В.А., 2024

Статья поступила в редакцию 19.09.24

Подписана в печать 07.10.24